

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-151
EDN: LGVFGX

Концепт «мысль» в психологическом дискурсе

Николай Иванович Нелюбин

Кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, Омский государственный педагогический университет. 644090, г. Омск, набережная им. Тухачевского, д. 14
nelubin2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Аннотация. В статье рассматривается проблема содержания концепта «мысль» в психологическом дискурсе. Описываются трудности, противоречия и ошибки, сопровождающие решение этой задачи. Мысль может претендовать на статус основной единицы анализа мышления, но вместе с тем, она остается трудноуловимой и для теоретического анализа, и для экспериментального изучения психической субстанции. Актуализируется проблема соответствия и валидности предметных представлений о мысли по отношению к ее действительной феноменологии. Раскрывается вопрос полиморфности психического состава мысли в контексте целостной мыслединамики, анализируются ее феноменологические проекции, корреляты, актуализирующиеся в разных регистрах сознания мыслящего человека. Обосновывается идея феноменологической сопряженности предметно-действенной, чувственной, словесной, образной проекций мысли. Описываются экзистенциально-феноменологические условия и драма инициации продуктивного мыслительного акта. Показана недостаточность языка классической психологии, его семантическая ограниченность применительно к решению задачи описания многомерной феноменологии мысли. Автор разделяет позицию В. П. Зинченко в отношении описательного потенциала художественной литературы, которая располагает широким диапазоном сравнений, метафор как дополнительных средств решения таких задач. Предлагается оригинальное понимание концепта «мысль», в котором раскрываются три плана ее анализа: динамический, содержательный и функциональный. В динамическом плане мысль выступает как постоянно развивающийся интенциональный проект смысла, а в содержательном и функциональном плане представляет собой синтетическое, полиморфное соединение разнопорядковых психических образований (образных, смысловых, эйдетических, аффективных), являющееся средством выделения и осмысления существенных отношений и свойств в предмете мышления.

Ключевые слова: мысль; мышление; мыслединамика; концепт; психическая ткань; чувство; образ; смысл

Для цитирования: Нелюбин Н. И. Концепт «мысль» в психологическом дискурсе // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 151–160. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-151>. <https://elibrary.ru/LGVFGX>

Original article

Concept «thought» in psychological discourse

Nikolai I. Nelyubin

Candidate of psychological sciences, associate professor at department of practical psychology, Omsk state pedagogical university. 644090, Omsk, Tukhachevsky embankment, 14
nelubin2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-7467>

Abstract. The article deals with the problem of meaningful disclosure of the concept of «thought» in psychological discourse. The difficulties, contradictions and errors accompanying the solution of this problem are described. Thought can claim the status of the main unit in analysis of thinking, but at the same time, it remains elusive both for theoretical analysis and for experimental study of mental substance. The problem of the correspondence and validity of objective representations of thought in relation to its actual phenomenology is actualized. The issue of polymorphism of the mental composition of thought in the context of holistic mental dynamics is revealed, its phenomenological projections, correlates that are actualized in different registers of consciousness of a thinking person are analyzed. The idea of the phenomenological conjugacy of objective-effective, sensual, verbal, figurative projections of thought is substantiated. The existential-phenomenological conditions and the drama of the initiation of a productive mental act are described.

© Нелюбин Н. И., 2024

The insufficiency of the language of classical psychology, its semantic limitations in relation to solving the problem in describing the multidimensional phenomenology of thought is shown. The author shares V. P. Zinchenko's position regarding the descriptive potential of fiction, which has a wide range of comparisons, metaphors, as additional means of solving such problems. The original understanding of the concept of «thought» is proposed, which reveals three plans for its analysis: dynamic, meaningful and functional. Dynamically, thought acts as a constantly developing intentional project of the mind, and in terms of content and functionality it is a synthetic, polymorphic compound of different mental formations (figurative, semantic, eidetic, affective), which is a means for highlighting and comprehending essential relationships and properties in the subject of thinking.

Key words: thought; thinking; thought dynamics; concept; mental tissue; feeling; image; meaning

For citation: Nelyubin N. I. Concept «thought» in psychological discourse. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (3): 151-160. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-151>. <https://elibrary.ru/LGVFGX>

Введение

Психологический анализ мышления и построение общепсихологического понимания его динамических и содержательных аспектов требует выделения единиц анализа мыслительного акта. Мышление в своем феноменологическом срезе представляет собой мыслединамику, – переход мысли в тот или иной план выражения, ее включение в те или иные отношения и связи с другими образующими сознания. Поэтому дальнейшая разработка психологии мышления требует обстоятельного анализа мысли как центральной переменной в этой динамике. Вместе с тем, современный психологический и междисциплинарный дискурс о мышлении характеризуется недоопределенностью ключевых концептов, к числу которых относится концепт «мысль».

Данная статья представляет собой попытку критического осмысления широкого спектра представлений о содержательных и динамических свойствах мысли. В психологическом дискурсе о мышлении концепт мысль упоминается в разных контекстах: как элементарная переменная мыслительной динамики, как ее конечный продукт; как однородная субстанция, как синтетическое образование; как продукт безобразного мышления, как психическое образование, неотделимое от образа; как фиксированная и законченная идея, как поток переходящих друг в друга образно-смысловых и знаково-символических эквивалентов мысли; как невербальное, неоречевленное психическое образование, как вербально опредмеченное образование, «свершающееся» в слове. Это далеко не полный диапазон контекстов рассмотрения мысли, однако этого достаточно, чтобы представить весьма противоречивую познавательную ситуацию, сложившуюся в современной психологии мышления.

Подобная контекстуальная и семантическая полифония в психологическом и междисципли-

нарном дискурсе о мышлении – это лишь одна крайность. Другая проявляется в том, что очень часто дискурс о мышлении строится так, что «мысль» упоминается довольно бегло, без содержательного раскрытия, либо вовсе остается в стороне как неудобная и неподдающаяся концептуализации единица анализа. Чаще всего речь идет о предмете мысли, о мыслимом содержании, идее, но не о мысли как психическом образовании. По замечанию В. А. Мазилова, «мысль как предмет психологии мышления исчезла из психологии на заре психологии мышления. Полагаю потому, что более всего психологии хотелось размежеваться с логикой. А мысль проходила по департаменту логики-суждения, умозаключения и т. д.» [цит. по: Шадриков, 2013]. Основное противоречие заключается в том, что, будучи основной единицей анализа мышления, сама «мысль» остается весьма «загадочной», трудноуловимой и для теоретического анализа, и для экспериментального изучения психической субстанцией. В научных публикациях о мышлении содержательное наполнение данного концепта носит пока еще весьма скудный характер, особенно когда авторы придерживаются строгого и формализованного языка описания. Более содержательная, феноменологически объемная (хотя и достаточно противоречивая) картина получается, когда авторы прибегают к выразительным образам и художественно-поэтическим метафорам. Неоспоримо одно: дальнейшее развитие психологии мышления требует основательной теоретической рефлексии и над содержанием концепта «мысль», и над вопросом феноменологического состава мысли как психического образования.

Итак, актуальная познавательная ситуация характеризуется тем, что мысль в научном дискурсе о мышлении рассматривается как эфемерная и труднооперационализируемая единица мыслительной динамики. Если образ как основная единица анализа восприятия или действие

как основная единица анализа деятельности уже основательно проработаны в психологии, то с мыслью как единицей анализа мышления ситуация обстоит так, будто мы находимся в самом начале пути и теоретической, и феноменологической рефлексии над ней. Чем обусловлена такая ситуация? С одной стороны, – неуловимостью самой мысли, ее динамичностью и несводимостью к тем продуктам мышления, которые имеют свою вербальную, знаково-символическую завершенность. С другой стороны, ситуация осложняется тем, что в психологии мышления основательно укоренился логический редуционизм, с позиции которого мысль остается в тени формально-логических операций или же вообще выпадает из содержания этих операций, поскольку их предметом являются свойства вещей (данные в представлениях), знаково-символические заместители этих вещей? На такое положение дел в свое время сетовал один из основоположников психологии интеллекта Ж. Пиаже, печально констатируя, что каждая новая психология мышления на деле превращается в зеркало логики [Пиаже, 2004]. Бурное развитие когнитивной психологии в последние десятилетия тоже не приблизило исследователей к ответу на вопрос – «Что есть мысль?», на это обращает внимание В. Д. Шадриков: «Абсолютизация “когнитивной” и “информационной” метафор увели представителей когнитивной психологии от поиска ответа на данный вопрос» [Шадриков, 2014, с. 5].

Результаты исследования

Вопрос феноменологического состава мысли нуждается в основательном прояснении. Л. М. Веккер считал, что построение общепсихологической теории мышления требует сосредоточения усилий исследователей в двух направлениях. С одной стороны, это «психологическая гистология», которую можно конкретизировать как «ментальную гистологию» – учение о психической ткани мысли. С другой стороны, это «психологическая морфология», которая в случае анализа мышления может быть обозначена как «ментальная морфология», или учение об интеграции ментальной ткани в структурные организованные более сложного порядка (например, концепты), которые могут сопротивляться энтропии [Веккер, 1981]. Дело в том, что феноменологический состав мысли далеко не однороден в разных фазах ее динамики и перехода. Попытки описать различные соединения мысли, без уяснения принципов и психологических меха-

низмов, обеспечивающих их взаимосвязь и взаимную обратимость, – в лучшем случае отбрасывают нас как исследователей в период господства ассоциативной психологии.

С одной стороны, мысль может переживаться как действие, с другой, – как состояние, с третьей, – как мыслимое содержание (предмет мысли). В каждом из этих срезов рассмотрения мысль обнаруживает свою многомерность и интермодальную природу. «Мышление многоформенно, многообразно по своему протеканию», – заметил А. Н. Леонтьев [Леонтьев, 2007, с. 350]. Такое же полиморфное строение имеет мысль. Ее невозможно представить как однородное психическое образование, которое очищено от «примесей» других – образных, аффективно-мотивационных, смысловых образований. Поскольку само мышление представляет собой системный эффект интеграции познавательных психических процессов в более сложную функциональную систему, то вполне справедливым будет представление об интегративном составе мысли. Мысль в большей мере полимодальна, нежели амодальна. В ее психическом составе в том или ином соотношении представлены все ее модальные «исходники», проекции и корреляты. При таком варианте рассмотрения идея полиморфности ее протекания выглядит вполне убедительно. К примеру, мы не можем рассматривать образную или чувственную ткань мысли как что-то второстепенное и подлежащее устранению из состава формируемого концепта. «Образы, актуализующиеся в условиях мыслительной деятельности, нельзя рассматривать всего лишь в качестве чувственной основы мысли, некоторого ее наглядного аккомпанемента. Они – не вне мысли, а внутри самого механизма ее порождения» [Холодная, 2012, с. 66]. Мысль порождается не после образа, а вместе с ним. Внутри функциональной системы мышления образы восприятия, представления памяти и воображения не отделены от понятийно оформляющейся мысли. Их искусственная сегрегация от абстрактного состава мысли привела бы к «обеднению» феноменологической ткани последней, к утрате ее пластичности, что затруднило бы ее перевод в образно-символический план выражения (например, при попытке схематически или пиктограмматически выразить ее содержание). Таким образом, чистая мысль как некий идеал абстрактно логического мышления становится фантомным дефеноменологизированным образованием, теряющим ценность для психологического анализа.

Одна из первых и весьма продуктивных попыток описания мыслединамики принадлежит П. А. Флоренскому. Вместо привычного для многих современников линейного принципа описания феноменологической ткани мысли, ученый (значительно опережая свое время) предлагал сетевой принцип ее строения, в соответствие с которым все мысли могут перекликаться, корреспондировать, вступать в новые синтетические соединения, тем самым увеличивая свой смысловой потенциал: «Строение ... мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же» [Флоренский, 2000, с. 37].

Ключевым свойством всякой действенной и плодотворной мысли является ее диалектичность, то есть принципиальная открытость для выявления противоречия. Мысль не есть монолитное, монологичное и завершенное суждение, она существует и переживается в своей феноменологической полноте в моментах прояснения, проблематизации, столкновения с альтернативными мыслями, – другими словами, в моментах своей диалектической незавершенности. П. А. Флоренский видел в диалектичности мысли знак ее живости: «Живая мысль по необходимости диалектична: в том-то и жизнь ее; мертвые же мысли или, точнее, замороженные мысли, мысли в состоянии анабиоза – недиалектичны, то есть неподвижны, и могут быть расположены в виде учебника, как некая сумма определений и тезисов» [Флоренский, 1996, с. 138].

С позиции культурно-деятельностного подхода мысль есть предмет умственного действия, – то, что преобразуется умственным действием. Но, с другой стороны, она сама может выступать как средство преобразования другой мысли. Если рассматривать мысль с динамической точки зрения, то её можно представить как умственное действие, опосредованное культурно-историческим опытом субъекта мышления: «Любая мысль, независимо от её содержания и объекта, есть не что иное, как способ и форма общественно-исторического действия» [Касториadis, 2003, с. 9]. Выступая в такой ипостаси, мысль обладает двойной конструктивностью: она есть и действие по культурно-опосредованному преобразованию предмета

мышления, и действие по преобразованию культурно-заданных способов ориентировки субъекта мышления в ситуациях решения познавательных задач. В этом плане практика развития и общественно-исторического опосредования мысли есть, вместе с тем, практика культурного развития ее субъекта, практика его оснащения ориентировочными основами и культурными средствами для построения умственных действий более высокого порядка [Гальперин, 2017].

С точки зрения И. Т. Касавина, мышление является процессом «интенционального проектирования». Его результат – это смысл, который выступает не только как единица индивидуального сознания, но еще и «представляет собой концентрацию культурной ценности сформированного объекта (“сила”, “значение”, “разум”, “толк”, “суть”）」 [Касавин 2007, с. 7]. Если адаптировать эту идею применительно к определению мысли, то можно сказать, что мысль в своей довербальной стадии развития есть интенциональный проект смысла. Эти идеи подтверждаются и экспериментами, проводимыми в психологической лаборатории О. К. Тихомирова при разработке смысловой теории мышления. Таким продуктом интенционального проектирования в общей динамике мышления, особенно в той ее части, что протекает на дорефлективных стадиях, является операциональный смысл [Тихомиров, 1984].

М. К. Мамардашвили также указывал на конструктивность мысли, выступающей в форме действия: «Мысль – это не только состояние, но и действие, благодаря которому у нас появляется возможность что-то создать помимо – больше – отражения» [Мамардашвили, 2000, с. 19]. Речь идет о конструктивности и контекстуальности мысли, о возможности преобразовывать предметный мир, привносить в него смысловые прибавки. Мысль в действии позволяет преодолевать пассивную рецептивность отражения, внести некий упорядочивающий принцип в сознательный опыт: «... упорядочивающее движение и есть мысль как действие» [Мамардашвили, 2000, с. 19]. В этом замечании Мамардашвили мысль представлена не столько как продукт мыследейтельности, сколько как динамический принцип ее организации. Вместе с тем акт мысли, с точки зрения автора, «... является построением, созданием чего-то, чтобы мыслить, или созданием текста сознания» [Мамардашвили, 2000, с. 295]. В этом плане опыт построения мысли есть одновременно опыт создания средств амплификации сознания, необходимых для вскрытия и осмысления того, что наив-

ному наблюдателю в акте непосредственного восприятия (не усиленного текстами или «смыслопорождающими устройствами», по Ю. М. Лотману) не доступно. Чтобы нечто увидеть и прояснить, преодолеть инерцию недомыслия, заглянуть за ширму условной понятности, – необходимо построить текст [Лотман, 1996; Мамардашвили, 2000].

Но необходимо учитывать тот факт, что мысль не одномоментное образование, она имеет временную протяженность (на что обращал внимание Мамардашвили). Длющаяся, долгоиграющая мысль требует развития и прояснения, а потому подчиняет и направляет все познавательные усилия человека на свое развертывание. Неслучайно Л. С. Выготский заметил: «Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание» [Выготский, 1982, с. 355]. Вместе с тем опыт дления и развертывания содержания мысли требует приложения значительных усилий, напряженного сосредоточения на поиске средств амплификации и опредмечивания мысли. Настоящая мысль не может подуматься сама собой, быть результатом спонтанного ассоциативного синтеза, интеллектуальной игры: «мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил» [Мамардашвили, 2000, с. 30]. Все остальные продукты условно мыслительных практик, полученные в обход предельного напряжения интеллектуальных сил, носят симулятивный характер и лишены динамической плодотворности.

Идея сопряженности мысли со смыслом и чувством получила широкое распространение в философско-психологическом дискурсе. Так, Мамардашвили отмечал: «мы мыслью называем нечто, что связано прежде всего со смыслом» [Мамардашвили, 2000, с. 296]. Это правило можно распространить как на операциональные, так и на личностные смыслы. Значащие переживания, и аффективно окрашенные значения образуют с мыслью синтетические целостности, придают мысли личностную значимость и отнесенность к личностному опыту субъекта мышления. Чужая мысль не «трогает» так, как своя, выстрадавшая и обогащенная личностно-смысловым отношением. «Мысль, заостренная чувством, глубже проникает в свой предмет, чем «объективная», равнодушная, безразличная мысль», – заметил С. Л. Рубинштейн [Рубинштейн, 2002, с. 318]. А. Н. Леонтьев подчеркивал на своих лекциях, что: «Мышление не может быть равнодушным процессом!» [Леонтьев, 2007, с. 369]. Это не какой-то частный случай, когда мысль,

усиленная чувством, обретает исключительную проникающую способность, а скорее общий принцип неразделимого единства мысли и чувства: «...мысль не отделена от чувства (и в смысле чувственного восприятия, и в смысле аффективного отношения, настроения)» [Седакова, 2009, с. 99]. Тем не менее, в повседневном и литературном дискурсе сложился достаточно прочный стереотип о противопоставленности «логики мысли» и «логики чувств». Данная оппозиция весьма прочно укоренилась в картине мира современного человека: «Противопоставление чувства и мысли является одним из ключевых в наивно-языковой модели мира» [Ахмедова, 2017, с. 1196]. Чувство предстает как дорациональное или внерациональное, непосредственно переживаемое или же ценностно-окрашенное отношение к миру.

Когда мы судим о мысли, строим оценочные и описательные суждения о ней, то, как правило, прибегаем к таким критериям и дескрипторам, которые отражают ее ясность, точность, истинность, оригинальность, динамичность и глубину. Л. П. Гашева и А. В. Свиридова в ходе лингвистического исследования фразеологических дескрипторов, применяемых в русской речи для описания содержания концепта «мысль», выявили, что самой представительной в количественном отношении семантической подгруппой фразеологизмов является та, которая обозначает интенсивную, сознательную, целенаправленную мыслительную деятельность, имеющую конструктивную, положительную направленность [Гашева, 2016]. Мысль в данном случае выступает и как промежуточная переменная и как предмет, и как продукт этой деятельности.

В. П. Зинченко видел в содержании мысли нечто неуловимое, несводимое к вопросу ее истинности или ложности: «Мы ведь постоянно сталкиваемся с тем, что мысль, независимо от ее истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всем этом вместе и еще в чем-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое существенное и интересное в мысли» [Зинченко, 2002]. Повседневный дискурс и художественная литература предполагают более разнообразным и интересным диапазоном сравнений, метафор, оценочных суждений, которые применяются при описании образа мыслей человека. Зинченко сомневался в возможности однозначного и полного определения мысли, особенно теми средствами, кото-

рые используются в справочно-энциклопедической литературе. Поскольку ни одна из существующих дефиниций не пригодна для «уловления» сущности мысли, он вынужден был обратиться при описании всей полноты её проявлений к образному, метафорическому языку, поэтическим средствам: «Есть мысли ясные, светлые, прозрачные, глубокие, и есть мысли вздорные, смутные, туманные, легковесные, мелкотравчатые, приходящие наобум. Есть мысли живые, уместные, своевременные и мертворожденные, запоздалые, как сожаления. Есть мысли вялые, анемичные, тупые и мысли острые, энергичные, пронизательные. Есть мысли высокие, благородные, добрые, и есть мысли низкие, корыстные, злые. Есть свободная мысль – мысль-поступление, поступок. Есть мысли блуждающие, несмелые и мысли законнопорожденные, уверенные (хорошо бы – несомоуверенные). Есть мысли трагические, глупые, абсурдные. И есть мысли самоуправные, порой назойливые...» [Зинченко, 2002, с. 7]. О чем свидетельствует этот далеко не полный, со слов автора, видовой состав мыслей? Помимо многоликости самой мысли, он отчасти вскрывает несостоятельность описательных средств, которыми располагает классическая психология мышления с ее лаконичными и строгими формулировками, не позволяющими охватить всю феноменологическую полноту ментального опыта человека. Поскольку «мысль не является результатом работы теоретизирующего ума» [Клочко, 2012, с. 16], то и средства для ее описания должны выходить за рамки классических представлений об описательном языке психологии.

Мы считаем, что стремление отдельных авторов формулировать компактные, претендующие на аксиоматичность, высказывания о психологической природе мысли, уводят нас от понимания ее действительной феноменологии, к тому же происходит отрыв мысли от ментального пространства, от мыслящего человека, от тех жизненных отношений и мыследеятельностных практик, которые он реализует. Возникает впечатление, что мысль рассматривается не как психическое образование, а как некая языковая конструкция, выступающая в качестве лингвистического заместителя мысли как таковой. Далее эта конструкция, окончательно оторвавшись от своего психического референта, начинает жить своей самостоятельной жизнью, становится единицей лексической, номинативной, но не психологической. В этом заключается ключевая и весьма

распространенная ошибка при построении предметных представлений о мышлении. В результате между этими представлениями и действительной феноменологией мысли существуют значительные несоответствия. Возможно, корень проблемы кроется в ограниченности самого языка, способа построения дискурса о мысли? За компактностью и кажущейся академической строгостью формулировок проступает замешательство перед многомерной феноменологией мысли. Традиционный язык академической психологии с его клишированностью, лаконичностью и условной строгостью, – оказывается недостаточным и малоприспособленным для описания многомерной феноменологии мысли. Она открывается нам, как только мы начинаем совершать намеренное отступничество от этих языковых рамок и включаем в дискурс о мышлении сравнение, аллегорию, метафору и другие средства художественной речи, что собственно и было предпринято Л. С. Выготским, В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили, П. А. Флоренским.

Подчинение мысли «логике чувств» не означает ее упрощение, речь скорее идет о том, что мысль теперь приобретает оттенок ценностного отношения к предмету. Вообще сложно представить появление мысли как кумулятивный результат сцепления, перегруппировки и упорядочивания абстрактных идей. Г. Г. Шпет называл подобный вариант идеогенеза пустым концептированием [Шпет, 1999]. В этом моменте есть нечто такое, что не поддается только рациональному объяснению: «Мысль нельзя подумать механически, она рождается из душевного потрясения» [Мамардашвили, 2000, с. 25]. Чтобы начать мыслить, надо быть уже достаточно впечатленным, окликнутым предстоящим событием мышления или же испытывать сильное волнение, глубокое переживание, вызванные разрушением прежнего образа мыслей. Необходимо совершить особое усилие, – «возобновление акта индивидуального присутствия личности в мысли» [Мамардашвили, 2000, с. 347]. Другими словами, очерчивание онтологического пространства предстоящей, преднаходимой мысли и размещение в нём, в его событийно-смысловом измерении – являются непреложными условиями порождения мысли. Необходимо понимать, что онтология мышления не очерчивается и не ограничивается пространством поиска решения мыслительных задач: «Мышление – это не только решение задач, но и развитие действительности, которая раскрывается для мыслящей личности как пространство для новой деятельности»

[Красноярцева, 1996, с. 55]. Этот процесс имеет драматический характер и сопровождается мучительным переживанием затянувшейся беспредметности, неуловимости как самой мысли, так и хоть какого-то намека, вопроса наводящего на неё. Он может сопровождаться ощущением личного апокалипсиса и истощения возможностей сдвинуться с «мертвой точки» мышления. Вместе с тем, как отмечает Мамардашвили, это необходимое условие возобновления настоящего мыслительного акта. То есть, для того, чтобы начать мыслить, надо быть открытым для переживания страха особого экзистенциального порядка. Это страх «не сбыться, не осуществиться» в новом событии мышления [Мамардашвили, 2000].

Очень часто за мысль принимают ее вербальный эквивалент, опредмеченную в слове идею. Вербальное оформление мысли не является финальным актом в динамике ее развития: «процесс облачение мысли в слова есть процесс развития и более содержательного определения самой мысли» [Рубинштейн, 2000, с. 395]. Дальнейшее движение мысли во внешнем или внутреннем плане речи не является в чистом виде речевым актом, внутренне или внешне-речевым рассуждением, поскольку мысль всегда опережает слово. Ее неуловимость и быстротечность не позволяют слову полностью завладеть ей. Вербальное выражение интуитивно возникающей мысли, попытка ее облачения «в медлительные и инертные символы речи с ее “логикой”, “аргументацией”, “сознательной оценкой”» [Ухтомский 2019, с. 372], – все эти действия не поспевают за естественным течением самой мысли с ее многочисленными переходами и метаморфозами, в том виде, как они осуществляются в дорефлексивном (бытийном) слое сознания. Точное означивание мысли, ее вербальное опредмечивание, безусловно, важный промежуточный результат мыслединамики, но он не гарантирован. «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется» [Выготский, 1982, с. 295], – так иллюстрирует Выготский зыбкость и неуловимость мысли, используя фрагмент стихотворения О. Э. Мандельштама «Ласточка». Видимо замена «слепой ласточки» (в оригинале) на «мысль бесплотную» носит далеко не случайный характер. Не встретившись с забытым словом, мысль не получит материального воплощения и вернется в исходный, нозтический план сознания («чертог теней»), хотя это еще и не означает прерывания мыслединамики, – это лишь один из многочисленных моментов ее

выпадения из рефлексивного фокуса. В действительности феноменологический опыт мышления складывается из таких моментов флуктуации мысли между рефлексивным и бытийным слоем сознания.

Один из сравнительно недавних вариантов определения мысли принадлежит В. Д. Шадрикову. Ученый предлагает формулировку, отвечающую на вопрос о психическом составе мысли: «Мысль выступает как содержательно-потребностно-эмоциональная субстанция» [Шадриков, 2014, с. 7]. За содержательной стороной мысли в теоретических рассуждениях Шадрикова стоят образ и значение воспринимаемого признака предмета. Если образ как субстанция мысли воплощает собой системное качество чувственной стороны целостного и осмысленного постижения предмета (в том числе его личностно-смысловую окрашенность), то в значении как в предпонятийной стороне мысли фиксируется обобщенный функциональный смысл «воспринимаемого признака для деятельности субъекта» [Шадриков, 2013]. Включение в определение словосочетания «потребностно-эмоциональная», по всей видимости, указывает на исходный, дорефлексивный исток мысли, к которому добавляется содержательная составляющая по мере знаково-символического опосредствования и вербального оформления мысли. Вместе с тем, вопрос возникновения исходного интенционального заряда мысли остается отчасти открытым. Ни потребность, ни эмоция не несут на себе печать предметного проблематизирующего вопрошания субъекта мышления.

Динамические свойства мысли достаточно полно раскрыты в работе М. А. Холодной в ходе содержательного анализа ее концептуального субстрата: «Концепт (концептуальная структура) – это ментальная структура “внутри” индивидуального ментального опыта, активизирующаяся под воздействием определенного знака (“активаторами” могут быть реальная ситуация, рисунок, слово, текст, другой человек) и выступающая в качестве психического носителя понятия (его “операнда”» [Холодная, 2012, с. 82]. Холодная наделяет концепт конституирующей, орудийной активностью, способностью задавать топик, метрику и динамику ментальному пространству в процессе своего образования и развития. Он не сводим к понятию, которое может иметь экстрапсихическую форму существования, является своего рода «телом», «психическим носителем», условием уяснения и развития понятия

в сознании человека. Рассуждения и теоретические построения автора, как нам видится, указывают на определенное противоречие: с одной стороны, концепт «порождает ментальное пространство», с другой стороны, концепт сам функционирует внутри этого же ментального пространства, находится в состоянии «динамического покоя», пока знак-триггер не активизирует его [Холодная, 2012]. Здесь напрашивается вопрос: может ли из концепта быть порождено все феноменологическое многообразие, вся многомерность ментального пространства человека, которое есть пространство эмоционально окрашенных мыслеобразов, интегральных психических образований, в составе которых обнаруживается нерасторжимое единство смысловой, чувственной, перцептивной, моторной, умственной ткани мышления? Ответ на этот вопрос требует отдельной теоретической рефлексии и экспериментальных исследований, позволяющих вскрыть переходы, отношения релевантности и взаимной обратимости, имеющие место между разными образующими многомерного ментального пространства человека.

В. П. Зинченко вслед за Я. Э. Голосовкером предлагал рассматривать в качестве психического (феноменологического) субстрата мысли – смыслообраз, который является динамической, орудийной (плодотворной) идеей «разума воображения» [Зинченко, 2002]. Это психическое образование, порождаемое функциональной системой, в составе которой обнаруживается синтез процессов воображения и мышления. Смыслообраз – это не застывшая абстракция или синтетическое представление, он является динамической переменной латерального, фантазийного мышления и обладает орудийной силой по отношению к другим формам существования мысли, служит ориентиром для ее дальнейшего движения и развития. Этим объясняется интерес к исходным образованиям и исходным моментам в общей динамике мышления, которые пока еще не «отпрепарированы» и не редуцированы к формально-логическим операциями их производным. Исследования живого мышления, а не его «академического двойника» в виде формально-логического рассудка предполагает применение таких методов и исследовательских процедур, которые бы позволяли фиксировать в общей динамике мышления исходные смысловые образы, до того как они «уйдут в тень» формально-логических операций. В этом плане, как справедливо замечал Зинченко: «Живое мышление,

живое личностное знание все еще представляют собой вызов науке и образованию». И добавлял, что «здание мышления» (имея в виду и целостную феноменологическую картину, и органическую теорию мышления) из операций формальной логики не построить [Зинченко, 2002, с. 15].

Заключение

Теоретическая рефлексия предметного поля психологии мышления, содержательное раскрытие феноменологической картины целостной мыслединамики предполагают выделение таких единиц анализа, в которых наиболее полно представлены свойства целого. В качестве одной из них, безусловно, выступает «мысль», но вместе с тем в современном психологическом дискурсе задача по ее окончательной концептуализации пока остается открытой. Рефлексивные ответы на вопрос «Что есть мысль?», размышления о ее полиморфных, трудно опредмечиваемых свойствах субстанционального и динамического порядка способствуют преодолению иллюзии понятности, прерывают инерцию редуционистских представлений о ментальном опыте мыслящего человека. Настоящая статья представляет собой одну из таких попыток. В процессе ее реализации мы пришли к выводу, что мысль является своего рода плавильной формой, в которую вливаются разные психологические субстанции. В динамическом плане она выступает как постоянно развивающийся интенциональный проект смысла, а в содержательном и функциональном плане представляет собой синтетическое, полиморфное соединение разнопорядковых психических образований (образных, смысловых, эйдетических, аффективных), являющееся средством выделения и осмысления существенных отношений и свойств в предмете мышления. Этим объясняется невозможность применения одномерных объяснений и предметных представлений о мысли, построенных с помощью формализованного языка классической психологии. Мыслить о ней мы можем только «в терминах динамического целого, а не статических суверенных частей» [Клочко, 2012, с. 20]. В качестве одного из удачных, на наш взгляд, вариантов динамического целого выступает смыслообраз, поскольку оперирование этим концептом позволяет конструктивно обогатить научный дискурс о мысли в современной психологии мышления метафорами, сравнениями междисциплинарного и литературно-художественного плана. Точку в обозначенном выше вопросе ставить пока еще рано, но

побуждение авторов к возобновлению междисциплинарного диалога о составе, топике и динамике мысли, – необходимое условие интеграции научных представлений о мышлении. В качестве эпилога приведем высказывание Зинченко о рефлексивном приоритете в решении этого вопроса: «Важна не столько однозначность и определенность ответа на вопросы, что такое мысль и как она возникает, сколько наличие интенции узнать, понять, увидеть нечто, стоящее за мыслью. Возникновение подобной интенции есть признак подлинной мысли, отличающейся от того, что «взбредет в голову», от мнения» [Зинченко, 2003, с. 6].

Библиографический список

1. Ахмерова Л. Д. Мысль и чувство как семантическая оппозиция в русском гуманитарном дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. № 5. С. 1187–1199.
2. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 3. Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 326 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1982. 504 с.
4. Гальперин П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий. // Вестник Московского университета. 2017. Сер. 14. Психология. № 4. С. 3–17.
5. Гашева Л. П. Концепт «Мысль», вербализованный процессуальными фразеологизмами русского языка / Л. П. Гашева, А. В. Свиридова // Meteor-Siti. 2016. № 1. С. 32–37.
6. Зинченко В. П. Мысль и Слово: подходы Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета (часть 1) // Психологическая наука и образование. 2003. Т. 8, № 4. С. 5–16.
7. Зинченко В. П. Наука о мышлении (часть 2) // Психологическая наука и образование. 2002. Т. 7, № 2. С. 5–20.
8. Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2007. № 3. С. 5–16.
9. Касториadis К. Воображаемое установление общества. Москва : Логос ; Гнозис, 2003. 479 с.
10. Ключко В. Е. Многомерное психологическое мышление: антропологические проекции // Психология обучения. 2012. № 10. С. 5–23.
11. Краснорядцева О. М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности. URL: https://psyjournals.ru/journals/mip/archive/2007_n1/42759 (дата обращения: 03.04.2024).
12. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. Москва : Смысл; Академия, 2007. 511 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
14. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. Москва : МШПИ, 2000. 416 с.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 192 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2000. 712 с.
17. Седакова О. А. Апология разума. Москва : МГИУ, 2009. 138 с.
18. Тихомиров О. К. Психология мышления. Москва : МГУ, 1984. 272 с.
19. Шадриков В. Д. Мысль и понимание. Понимание мысли. Москва : Университетская книга, 2019. 168 с.
20. Шадриков В. Д. Мысль и образ // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : мат. VI всероссийской научно-практ. конф. [19–21 ноября 2013 года]. Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. С. 16–22.
21. Шадриков В. Д. Свобода и независимость мысли Владимира Петровича Зинченко // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 2. С. 5–8.
22. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольта. Иваново : Ивановский гос. ун-тет, 1999. 304 с.
23. Ухтомский А. А. Доминанта. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 512 с.
24. Флоренский П. А. Сочинения. Москва : Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
25. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. Москва : Мысль, 2000. 446 с.
26. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. Москва : Институт психологии РАН, 2012. 288 с.

Reference list

1. Ahmerova L. D. Mysl' i chuvstvo kak semanticheskaja oppozicija v russkom gumanitarnom diskurse = Thought and feeling as semantic opposition in Russian humanitarian discourse // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2017. № 5. S. 1187–1199.
2. Vekker L. M. Psihicheskie processy = Mental processes. T. 3. Sub#ekt. Perezhivanie. Dejstvie. Soznanie. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1981. 326 s.
3. Vygotskij L. S. Sobranie sochinenij = Collected works. T. 2. Problemy obshhej psihologii. Moskva : Pedagogika, 1982. 504 s.
4. Gal'perin P. Ja. Opyt izuchenija formirovanija umstvennyh dejstvij = Experience in learning how to form mental actions // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2017. Ser. 14. Psihologija. № 4. S. 3–17.
5. Gasheva L. P. Koncept «Mysl'», verbalizovannyj processual'nymi frazeologizmami russkogo jazyka = Concept «Thought», verbalized by procedural phraseologisms of the Russian language / L. P. Gasheva, A. V. Sviridova // Meteor-Siti. 2016. № 1. S. 32–37.

6. Zinchenko V. P. Mysl' i Slovo: podhody L. S. Vygotskogo i G. G. Shpeta (chast' 1) = Thought and Word: approaches of L. S. Vygotsky and G. G. Shpet (part 1) // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2003. T. 8, № 4. S. 5–16.
7. Zinchenko V. P. Nauka o myshlenii (chast' 2) = The Science of Thinking (Part 2) // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2002. T. 7, № 2. S. 5–20.
8. Kasavin I. T. Smysl kak problema jepistemologii i nauki = Meaning as a problem of epistemology and science // Epistemology & Philosophy of Science. 2007. № 3. S. 5–16.
9. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva = Imaginary establishment of society. Moskva : Logos ; Gnozis, 2003. 479 s.
10. Klochko V. E. Mnogomernoe psihologicheskoe myshlenie: antropologicheskie proekcii = Multidimensional psychological thinking: anthropological projections // Psihologija obuchenija. 2012. № 10. S. 5–23.
11. Krasnorjadceva O. M. Psihologicheskie mehanizmy vozniknovenija i reguljaccii myshlenija v real'noj zhiznedejatel'nosti = Psychological mechanisms of the emergence and regulation of thinking in real life. URL: https://psyjournals.ru/journals/mip/archive/2007_n1/42759 (data obrashhenija: 03.04.2024).
12. Leont'ev A. N. Lekcii po obshhej psihologii = Lectures in general psychology. Moskva : Smysl; Akademiya, 2007. 511 s.
13. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhiih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
14. Mamardashvili M. K. Jestetika myshlenija = Aesthetics of thinking. Moskva : MShPI, 2000. 416 s.
15. Piazhe Zh. Psihologija intellekta = Psychology of intelligence. Sankt-Peterburg : Piter, 2004. 192 s.
16. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii = Fundamentals of general psychology. Sankt-Peterburg : Piter, 2000. 712 s.
17. Sedakova O. A. Apologija razuma = Apology of Reason. Moskva : MGIU, 2009. 138 s.
18. Tihomirov O. K. Psihologija myshlenija = Psychology of thinking. Moskva : MGU, 1984. 272 s.
19. Shadrikov V. D. Mysl' i ponimanie. Ponimanie mysli = Thought and understanding. Understanding thought. Moskva : Universitetskaja kniga, 2019. 168 s.
20. Shadrikov V. D. Mysl' i obraz = Thought and image // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti : mat. VI vsrossijskoj nauchno-prakt. konf. [19–21 nojabrja 2013 goda]. Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. S. 16–22.
21. Shadrikov V. D. Svoboda i nezavisimost' mysli Vladimira Petrovicha Zinchenko = Freedom and independence of thought Vladimir Petrovich Zinchenko // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2014. T. 10, № 2. S. 5–8.
22. Shpet G. G. Vnutrennjaja forma slova: jetjudy i variacii na temy Gumbol'ta = Inner word form: essays and variations on Humbolt themes. Ivanovo : Ivanovskij gos. un-tet, 1999. 304 s.
23. Uhtomskij A. A. Dominanta = Dominant. Sankt-Peterburg : Piter, 2019. 512 s.
24. Florenskij P. A. Sochinenija = Compositions. Moskva : Mysl', 1996. T. 2. 877 s.
25. Florenskij P. A. Stat'i i issledovanija po istorii i filosofii iskusstva i arheologii = Articles and research on the history and philosophy of art and archeology. Moskva : Mysl', 2000. 446 s.
26. Holodnaja M. A. Psihologija ponjatijnogo myshlenija: Ot konceptual'nyh struktur k ponjatijnym sposobnostjam = Psychology of conceptual thinking: From conceptual structures to conceptual abilities. Moskva : Institut psihologii RAN, 2012. 288 s.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.